

М.Г. Ярошевский СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Философские идеи о социальной сущности человека, его связях с исторически развивающейся жизнью народа получили в XIX в. конкретно- научное воплощение в различных областях знания. Потребность филологии, этнографии, истории и других общественных дисциплин в том, чтобы определить факторы, от которых зависит формирование продуктов культуры, побудила обратиться к области психического. Это внесло новый момент в исследования психической деятельности и открыло перспективу для соотношения этих исследований с исторически развивающимся миром культуры. Начало этого направления связано с попытками немецких ученых (Вейц, Штейнталь) приложить схему Гербарта к умственному развитию не отдельного индивида, а целого народа.

Реальный состав знания свидетельствовал о том, что культура каждого народа своеобразна. Это своеобразие было объяснено первичными психическими связями «духа народа», выражающегося в языке, а затем в мифах, обычаях, религии, народной поэзии. Возникает план создания специальной науки, объединяющей историко-филологические исследования с психологическими. Она получила наименование «психология народов». Первоначальный замысел был изложен в редакционной статье первого номера «Журнала сравнительного исследования языка» (1852), а через несколько лет гербартианцы Штейнталь и Лазарус начали издавать специальный журнал «Психология народов и языкознание» (первый том вышел в 1860 г., издание продолжалось до 1890 г.). <...>

Сторонником «психологии народов» как самостоятельной отрасли выступил в России А.А. Потебня. «Психология народов, — писал он в книге «Мысль и язык», — должна показать возможность различия национальных особенностей и строения языков как следствие общих законов народной жизни». Потебня не принял ни гербартовской, ни штейнталевской схемы. В своих исследованиях («Из записок по русской грамматике», 1874) он преодолевает психологизм и становится на позиции историзма: история мышления русского народа характеризуется исходя из смены объективных структур языка, а не из эволюции гипотетических душевных элементов. Этот исторический подход был утрачен последователями Потебни (Овсянко-Куликовским и др.), ставшими на путь психологизации, а тем самым и субъективизации явлений языкового и художественного творчества.

* Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985. С. 293—302.

В Англии Спенсер, придерживаясь контовского учения о том, что общество является коллективным организмом, представил этот организм развивающимся не по законам разума, как полагал Конт, а по универсальному закону эволюции. Позитивизм Конта и Спенсера оказал влияние на широко развернувшееся в преддверии эпохи империализма изучение этнопсихологических особенностей так называемых нецивилизованных, или «первобытных», народов. В сочинениях самого Спенсера («Принципы социологии») содержался подробный обзор религиозных представлений, обрядов, нравов, обычаев,

семейных отношений и различных общественных учреждений этих народов. Что касается интерпретации фактов, то эволюционно-биологический подход к культуре вскоре обнаружил свою несостоятельность как в плане социально-историческом, так и в плане психологическом.

Другое направление в изучении зависимости индивидуальной психики от социальных влияний связано с развитием неврологии. В частности, хотя и в необычном виде, элемент социально-психологических отношений выступил в феноменах гипноза и внушаемости. Эти феномены показывали не только зависимость психической регуляции поведения одного индивида от управляющих воздействий со стороны другого, но и наличие у этого другого установки, без которой внушение не может состояться. Установка захватывала сферу мотивации. Так, изучение гипнотизма подготавливало существенные для психологии представления. Их разработка велась во Франции двумя психоневрологическими школами — нансийской и парижской.

Клиникой в Нанси руководил Льебо, а затем Бернгейм. Нансийская школа, сосредоточившись на психологическом аспекте гипнотических состояний, вызывала их путем внушения и связывала с деятельностью воображения. Занимаясь лечением истерии, представители этой школы объясняли симптомы этого заболевания (паралич чувствительности или движений без органических поражений) внушением со стороны другого лица (суггестия) или самого пациента (автосуггестия), полагая, что и внушение, и самовнушение могут происходить бессознательно. Гипноз — специальный случай обычного внушения.

Парижскую школу возглавлял Шарко (1825—1893), утверждавший, что гипнозу подвержены только лица, предрасположенные к истерии. Поскольку истерия, как полагал Шарко, — это нервно-соматическое заболевание, постольку и гипноз, будучи с ней связан, представляет патофизиологическое явление.

Спор между Нанси и Парижем история решила в пользу первого. Вместе с тем обсуждение ставших предметом спора феноменов оказалось плодотворным не только для медицины, но и для психологии. Понятие о бессознательной психике, абсурдное с точки зрения интроспекционизма, отождествлявшего психику и сознание, формировалось (помимо влияния философских систем Лейбница, Гербарта, Шопенгауэра и др.) на основе эмпирического изучения психической Деятельности. Его порождала медицинская практика.

Вопросы структуры личности, соотношения сознания и бессознательного, мотивов и убеждений, индивидуальных различий, роли социального и биологического в детерминации поведения подвергались анализу на патопсихологическом материале в работах французских ученых П. Жане (преемника Шарко), Т. Рибо, Т. Бинэ и др. Под влиянием представлений о роли внушения в социальной детерминации поведения складывалась концепция Г. Тарда (1843-1904). В книге «Законы подражания» (1893) он, исходя из логического анализа различных форм социального взаимодействия, доказывал, что их основу составляет ассимиляция индивидом установок, верований, чувств других людей. Внушенные извне мысли и эмоции определяют характер душевной деятельности как в состоянии сна, так и при бодрствовании. Это позволяет отличить социальное от физиологического, указывал Тард в другой книге — «Социальная логика» (1895). Все, что человек умеет делать, не учась на чужом примере (ходить, есть, кричать), относится к разряду физиологического, а обладать какой-либо походкой, петь арии, предпочитать определенные блюда — все это социально. В обществе

подражательность имеет такое же значение, как наследственность в биологии и молекулярное движение в физике. Как результат сложной комбинации причин возникают «изобретения», которые распространяются в людских массах под действием законов подражания.

Под влиянием Тарда Болдуин становится одним из первых пропагандистов идей социальной психологии в США. Он различал два вида наследственности — естественную и социальную. Чтобы быть пригодным для общественной жизни, человек должен родиться со способностью к обучению, великий метод всякого обучения — подражание. Благодаря подражанию происходит усвоение традиций, ценностей, обычаев, опыта, накопленных обществом и внушаемых индивиду. «Социальная наследственность выдвигает на передний план подражание; гений... иллюстрирует изобретение».

В обществе непрерывно происходит «обмен внушениями». Вокруг индивида с момента рождения сплетаются «социальные внушения», и даже чувство своей собственной личности развивается у ребенка постепенно, посредством «подражательных реакций на окружающую его личную среду».

Тард, Болдуин и другие сосредоточились на поиске специфических психологических предпосылок жизни отдельной личности в социальном окружении, механизмов усвоения ею общественного опыта, понимания других людей и т.п. Во всех случаях в центре анализа находилась психология индивида, рассматриваемая с точки зрения тех ее особенностей, которые служат предпосылкой взаимодействия людей, превращают организм в личность, обеспечивают усвоение социальных фактов. Иным путем пошел Э. Дюркгейм (1858-1917), выделивший в качестве главной задачи изучение этих фактов как таковых, анализ их представленности в сознании коллектива в целом безотносительно к индивидуально-психологическому механизму их усвоения.

В работах «Правила социологического метода» (1894), «Индивидуальные и коллективные представления» (1898) и других Дюркгейм исходил из того, что идеологические («нравственные») факты — это своего рода «вещи», которые ведут самостоятельную жизнь, независимую от индивидуального ума. Они существуют в общественном сознании в виде «коллективных представлений», навязываемых индивидуальному уму.

Мысли Конта о первичности социальных феноменов, их несводимости к игре представлений внутри сознания отдельного человека развились у Дюркгейма в программу социологических исследований, свободных от психологизма, заполонившего общественные науки — филологию, этнографию, историю культуры и др. Ценная сторона программы Дюркгейма состояла в очищении от психологизма, в установке на позитивное изучение идеологических явлений и продуктов в различных общественно-исторических условиях. Под ее влиянием развернулась работа в новом направлении, принеся важными конкретнонаучными плоды.

Однако эта программа страдала существенными методологическими изъянами, что, естественно, не могло не сказаться и на частных исследованиях. Дюркгеймовские «коллективные представления» выступали в виде своего рода самостоятельного бытия, тогда как в действительности любые идеологические продукты детерминированы материальной жизнью общества. Что касается трактовки отношений социального факта к психологическому, то и здесь позиция Дюркгейма наряду с сильной стороной

(отклонение от попыток искать корни общественных явлений в индивидуальном сознании) имела и слабую, отмеченную Тардом: «Какую пользу находят в том, чтобы под предлогом очищения социологии лишить ее всего ее психологического, живого содержания?»

Дюркгейм, отвечая Тарду, указывал, что он вовсе не возражает против механизмов подражания, однако эти механизмы слишком общи и потому не могут дать ключ к содержательному объяснению «коллективных представлений». Тем не менее противопоставление индивидуальной жизни личности ее социальной детерминации, безусловно, оставалось коренным недостатком дюркгеймовской концепции. Эта ошибка определяла дуалистические тенденции исследований Блонделя, первых работ Пиаже и других психологов, испытывавших влияние Дюркгейма. Выводя особенности познания из характера общения, Дюркгейм и его последователи (Леви-Брюль, Гальбвакс и др.) неизбежно вставали на путь игнорирования определяющей роли объективной реальности, существующей независимо от сознания, как индивидуального, так и коллективного.

Вместе с тем антипсихологизм Дюркгейма имел положительное значение для психологии. Он способствовал внедрению идеи первичности социального по отношению к индивидуальному, притом утверждаемой не умозрительно, а на почве тщательного описания конкретно-исторических явлений. Относительная прогрессивность взглядов Дюркгейма станет еще более очевидной, если их сопоставить с другими социально-психологическими концепциями, типичными для рассматриваемого периода. Эти концепции отличались открытым иррационализмом и телеологизмом. Оба признака характерны для двух направлений конца XIX — начала XX в.: концепции ценностей и концепции инстинктов.

Ограниченность физиологического объяснения свойств личности побудила Г. Мюнстерберга отстаивать мнение, что изучение характера человека, его воли и мотивов должно осуществляться в особых категориях, главной из которых является категория ценности, лежащая за пределами наук о природе, следовательно, и естественно-научного изучения психики.

Философское оправдание идеи двух несовместимых «психологии» дали неокантианцы В. Виндельбанд и в особенности Г. Риккерт, считавшие, что принятый естествознанием способ образования понятий хорош для ассоциативной психологии, изображающей сознание как лишенную индивидуальных качеств механику «атомов», но не пригоден для описания социально-исторической жизни, которая требует особых «идеографических» понятий, обозначающих индивидуальное, неповторимое.

Успехи научно-психологического знания разрушали, как мы видели, механистический ассоцианизм, ведя к более адекватным взглядам на детерминацию психического. Идеалистическая философия поддерживала его как единственно совместимую с науками о природе доктрину, рядом с которой должна возвыситься другая психология, объясняющая истинно человеческое в личности путем обращения к царству стоящих над ней вечных, духовных ценностей.

Если Мюнстерберг и Риккерт исходили из Канта, то другой немецкий философ, Дильтей (1833—1911), воспитывался на гегелевском учении об «объективном духе». В статье «Идеи описательной психологии» (1894) он выступил с проектом создания наряду с психологией, которая ориентируется на науки о природе, особой дисциплины, способной стать основой наук о «духе». Дильтей назвал ее «описательной и

расчленяющей» психологией. Конечно, термины «описание» и «расчленение» сами по себе еще не раскрывали смысла проекта. Это достигалось их включением в специфический контекст. Описание противопоставлялось объяснению, построению гипотез о механизмах внутренней жизни, расчленение — конструированию схем из ограниченного числа однозначно определяемых элементов.

Взамен психических «атомов» новое направление предлагало изучать нераздельные, внутренне связанные структуры, на-место механического движения поставить целесообразное развитие. Так Дильтей подчеркивал специфику душевных проявлений. Как целостность, так и целесообразность вовсе не были нововведением, появившимся впервые благодаря «описательной психологии». С обоими признаками мы сталкивались неоднократно в различных системах, стремившихся уловить своеобразие психических процессов сравнительно с физическими. Новой в концепции Дильтея явилась попытка вывести эти признаки не из органической, а из исторической жизни, из той чисто человеческой формы жизнедеятельности, которую отличает воплощение переживаний в творениях культуры.

В центр человеческой истории ставилось переживание. Оно выступало не в виде элемента сознания в его традиционно-индивидуалистической трактовке (сознание какместилище непосредственно данных субъекту феноменов), а в виде внутренней связи, неотделимой от ее воплощения в духовном, надындивидуальном продукте. Тем самым индивидуальное сознание соотносилось с миром социально-исторических ценностей. Этот мир, как и неразрывные связи с ним человека, Дильтей трактовал сугубо идеалистически. Уникальный характер объекта исследования обуславливает, по Дильтею, уникальность его метода. Им служит не объяснение явлений в принятом натуралистами смысле, а их понимание, постижение. «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем». Психология поэтому должна стать «понимающей» (verstehende) наукой.

Критикуя «объяснительную психологию», Дильтей объявил понятие о причинной связи вообще неприменимым к области психического (и исторического): здесь в принципе невозможно предсказать, что последует за достигнутым состоянием. Путь, на который он встал, неизбежно повел в сторону от магистральной линии психологического прогресса, в тупик феноменологии и иррационализма. Союз психологии с науками о природе разрывался, а ее союз с науками об обществе не мог быть утвержден, поскольку и эти науки нуждались в причинном, а не в телеологическом объяснении явлений. «Понимающая психология» Дильтея была направлена, с одной стороны, против материалистической теории общественного развития, с другой — против детерминистских тенденций в экспериментальной психологии.

Вызов, брошенный Дильтеем «объяснительной психологии», не остался без ответа. С решительными возражениями выступил Эббин-гауз. Он указал, что нарисованная Дильтеем картина состояния психологии целиком фиктивна. Она напоминает лишь «мифологемы» Гер-барта. Требование отказаться от гипотез и ограничиться чистым описанием звучит особенно неубедительно в эпоху, когда эксперимент и измерение резко расширили возможность точной проверки психологических гипотез. Источник раздоров между психологами, «войны всех против всех» не гипотезы, а первичные факты сознания. «Ненадежность психологии ни в коем случае не начинается впервые с ее объяснений и гипотетических конструкций, но уже с простейших установлений фактов... Самое добросовестное спрашивание внутреннего опыта одному сообщает

одно, другому же совершенно другое».

В этих возражениях Эббингауз отмечал как недостатки интроспекции, так и бесперспективность дильтеевского взгляда на приобретение достоверного знания о «могучей действительности жизни» путем внутреннего восприятия, которое основано на «прямом усмотрении, на переживании... того, что дано непосредственно». Программа объяснительной психологии свелась к интуитивному и телеологическому истолкованию внутренней жизни, не имеющему объективных критериев и причинных оснований и тем самым неизбежно выпадающему из общей системы научного знания о человеке. В то же время в концепции Дильтея содержался рациональный момент. Она соотносила структуру отдельной личности с духовными ценностями, создаваемыми народом, с формами культуры. На эту идею ориентировался ученик Дильтея — Шпрангер (1882—1963), автор книги «Формы жизни» (1914). В ней описывалось шесть типов человеческого поведения в соответствии с основными областями культуры. В качестве идеальной характерологической модели (Idealtypus) выступал человек (личность) — теоретический, экономический, эстетический, социальный, политический и религиозный. Переживания индивида рассматривались в их связях с надындивидуальными сферами «объективного духа». Феноменологический описательный подход, предложенный Дильтеем взамен причинно-аналитического, оказал влияние и на ряд немецких психологов-идеалистов, например Пфендера (1870—1941), Крюгера (1874-1948) и др. Другое социально-психологическое направление выдвинуло в качестве основы общественных связей не культурные ценности, а примитивные, темные силы. Во Франции Лебон (1841—1931) выступил с сочинением «Психология толпы», в котором доказывал, что в силу волевой неразвитости и низкого умственного уровня больших масс людей (толп) ими правят бессознательные инстинкты. В толпе самостоятельность личности утрачена, критичность ума и способность суждения резко снижены. Свою теорию Лебон использовал для нападок на социализм, объявленный им порождением инстинкта разрушения. Переехавший в США английский психолог Мак-Дугалл в работе «Введение в социальную психологию» (1908) использовал понятие об инстинкте для объяснения социального поведения человека. Его концепция носила воинственно-телеологический характер. Под инстинктами имелись в виду внутренние, прирожденные способности к целенаправленным действиям. Организм наделен витальной энергией, и не только общие ее запасы, но и пути ее «разрядки» предопределены ограниченным репертуаром инстинктов, превращенных Мак-Дугаллом в единственный двигатель поступков человека как социального существа. Ни одно представление, ни одна мысль не может появиться без мотивирующего влияния инстинкта. Все, что происходит в области сознания, находится в прямой зависимости от этих бессознательных начал. Внутренним выражением инстинктов являются эмоции (так, ярость и страх соответствуют инстинкту борьбы, чувство самосохранения — инстинкту бегства и т.д.). Концепция Мак-Дугалла приобрела огромную популярность на Западе, в особенности в Соединенных Штатах. Ею руководствовались социологи, политики, экономисты. По книге «Введение в социальную психологию» обучались, как свидетельствует историк психологии Мерфи, сотни тысяч учащихся колледжей. В его теории видели воплощение «дарвиновского подхода» к проблемам социального поведения. Но дарвиновский подход, строго научный в области биологии, сразу же приобретал реакционный,

антиисторический смысл, как только его пытались использовать для объяснения общественных явлений, в том числе и общественной психологии. К этому нужно добавить, что дарвиновский подход к инстинкту был несовместим с телеологией. Мак-Дугалл считал спонтанное, независимое от материальной детерминации стремление к цели определяющим признаком живого. Превращение инстинктов, иррациональных, бессознательных влечений в движущую силу истории индивида и всего человечества типично для реакционных тенденций психологической мысли эпохи империализма.

Итак, на рубеже XX в. различные течения социальной психологии разрушали понятие об изолированном внесоциальном индивиде. Свои методологические представления эти течения черпали либо в идеалистической философии Канта, Гегеля и Конта, либо в эволюционной биологии. Марксистское учение о социальной детерминации психических явлений, противостоявшее всем этим направлениям, было либо неведомо исследователям, либо неприемлемо для тех, кто следовал канонам буржуазной идеологии.